

УДК 130.2

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ. СТАТЬЯ 4. КОНФИГУРАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА*

О. Н. РИМСКАЯ
В. П. РИМСКИЙ¹⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru*

В статье обосновывается методология исследования современных молодежных субкультур и субкультурных религий, позволяющая не только описать их основные конфигурации в России и регионах, но и выявить онтологические смыслы бытия молодого человека в пространстве и времени превращенных форм сознания и отчужденных систем коммуникаций.

Ключевые слова: междисциплинарная методология, субкультуры, конфигуративная типология, онтологические основания, экзистенциальный хронотоп, инновационные жизненные стратегии, молодежное мифосознание, субкультурные религии.

Современный человек вступает в мир в совершенно иных условиях, нежели это было не только сто лет назад, накануне революций, изменивших мир в XX веке, но даже в весьма отличающихся от жизни человека и человечества в 60-е/80-е годы прошлого столетия. С одной стороны, правящая элита в развитых странах, к каковым можно отнести и Россию, застыла в иерархических конфигурациях индустриального общества и продолжает продуцировать культурно-идеологические проекты эпохи модерна. С другой стороны, культурные и ценностные ориентации современного человека, в том числе и под влиянием информационных технологий, молодежных революций и молодежной контркультуры прошлого века, настолько изменили облик эпохи (в том числе, антропологический), что теоретики заговорили о постиндустриализме и постсовременности, постхристианстве и постчеловечестве.

Последние тенденции заметно увеличили *пространство и время свободы и творчества* современного молодого человека в сфере культуры, информации и коммуникации, которое приходит в столкновение не только со старыми механизмами власти и консервативными установками правящей элиты, предлагая *альтернативные, часто инновационные* жизненные стратегии, культурные программы и ценностные ориентации, но и усиливает нигилистические, деструктивные тенденции в сфере личностной идентичности, сознания и духовной жизни. В этих процессах очень велика роль молодежных субкультур, а также субкультурных (нетрадиционных) религий (последние часто называются «молодежными»), которые возможно рассматривать в качестве специфических субкультур эпохи постмодерна.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 09-03-55309 а/Ц) и развивает идеи, изложенные в ранее опубликованных статьях: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41; Белоусова М.М., Ковальчук О.В., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 2. Генезис и эволюция субкультур детства и юности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (79). – Вып. 12. – Белгород, 2010. – С. 25-36; Белоусова М.М., Ковальчук О.В., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 3. Культурно-исторические образы субкультур детства и юности (античность и средние века) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 14 (85). – Вып. 13. – Белгород, 2010. – С. 50-59.

В современной России, которая переживает не только политико-идеологический и экономический кризис, но и кризис базовой культурно-цивилизационной идентификации и личностных идентичностей, все эти сложнейшие процессы накладываются на отечественную почву и вызывают порой имитационные, подражательные, а иногда уродливо-неповторимые формы. Все это и определило наш интерес к сложным проблемам духовной и культурной жизни молодых людей, которые часто ищут путь к достойной социализации, личному успеху и творчеству в субкультурных общностях, в том числе и религиозных, которые оказывают не только деструктивное влияние на их сознание, но часто помогают им обрести личностную идентичность и открыть жизненные перспективы в нашем непростом мире.

Исследуя субкультуры, мы опираемся на то понимание культуры (в определенной мере инновационное, ранее в различных вариациях данное нами вместе с соавторами в других публикациях), которое трактует ее как идеальные формы деятельности, приобретающей общезначимое (универсальное) значение в конкретном культурно-историческом времени и социокультурном пространстве, предполагает учет хронологических характеристик деятельного индивида, конкретного человека, включенного в специфические сообщества и группы, в которых и реализуются, собственно, все коммуникативные акты, формируются специфические концепты и дискурсы, выраженные не только и не столько в естественном языке, сколько в языках «вторичных» знаково-символических систем – от мифологических до интернет-дискурса. Дискурсно-концептное, знаково-символическое и реально-идеальное бытие в живой ткани и «телесности» культуры всегда предполагает наличие живого человека. На наш взгляд, такое понимание культуры является «синтетическим», комплексным и *мультидисциплинарным*, что во многом перекликается с работами как наших отечественных исследователей, так и с положениями западной культурной антропологии (культурологии, социальной антропологии и т.п. – у них нет общепринятой дисциплинарной самоидентификации)¹. При этом культурно-антропологическая методология познания, как мы отмечали ранее, предполагает отказ от метафизического конструирования культурных миров и установку на интерпретацию исторических культур с опорой на конкретно-научные методологии и методики (этнографические описания и этнологические классификации, лингвистику и археологию, качественные методы социологии, дискурс-анализ).

Однако, остановившись мы в своем исследовании молодежных субкультур только на конкретных методах и методиках их описания и интерпретации, то невольно столкнулись с той проблемой, на которую в последнее время указывают отечественные ведущие социологи и антропологи²: невозможность применять понятие «субкультура» к новейшим молодежным группировкам с их размытостью границ не только между различными молодежными объединениями, но и внутри (например, есть скинхеды-фашисты и скинхеды-антифашисты). Е.Л. Омельченко, критикуя совершенно справедливо устоявшиеся концепты теорий «молодежной культуры» и «молодежных субкультур», отмечает: «Субкультурные теории подверглись серьезной критике, современные западные социологи говорят о «постсубкультурах», о «смерти субкультур», о рождении новых молодежных «племен», отличающихся текучестью, прозрачностью границ, временным и ненадежным характером соединений. В современной России, как и в любой другой стране, включенной в глобальное пространство, с остатками «старых» мини-групп соседствуют имитаторы, примкнувшие, туристические экспонаты «а ля субкультурчики», населившие пеше-

¹ Подробнее см.: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.

² Мы имеем в виду, прежде всего, интересные работы ульяновских социологов во главе с Е.А. Омельченко: Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000; Омельченко Е.Л. Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или Как гошники вытесняют неформалов // <http://polit.ru/culture/2006/05/23/gopniki.html>; Омельченко Е.Л. Смерть молодежной культуры и рождение стиля молодежный. // Отечественные записки, сентябрь 2006; Омельченко Е.Л. Поколение Text: Новые имена молодежной культуры // Рекламные Иден. № 2, 2008; и др.

ходные «Арбаты» столиц и больших городов»³. И далее: «С точки зрения пост-субкультурного подхода современные субкультуры значительно отличаются от «классических» образцов прошлого века. Они перестали быть чем-то постоянным, с жесткими границами и обязательствами всецело придерживаться образцов. Они достаточно противоречивы и непостоянны, с миксовой природой, прозрачными границами и временными солидарностями»⁴. Здесь фактически нивелируется само понятие «субкультура» – его или ограничивают или ему вообще отказывают в эпистемологическом статусе в исследовании тех изменений, которые происходят в мировой и отечественной культуре в «ситуации постмодерна». Что же предлагается взамен?

Предлагается те конфигурации молодежной культуры, которые характеризуются субкультурной размытостью и мозаичностью рассматривать как «используемый ресурс коммерческой прибыли» в контексте производства массовой «культуры для молодых». Следует отметить, что в отечественной литературе (прежде всего, в работах С.И. Левиковой) достаточно убедительно разведены понятия «молодежная культура» (более родовое и общее, связанное с продуцированием конкретно-исторических «кодов молодости»), «молодежные субкультуры» (не общезначимая, инновационная, творческая деятельность, продукты этой деятельности и жизненно-стилевые стратегии неинституционализированных, «неформальных» групп молодежи) и понятия «культура для молодых» (производство образцов и продуктов массовой культуры и моды для молодежи и других групп, ориентированное, в том числе, на утилизацию оригинальных форм деятельности молодежных субкультур).

Е.Л. Омельченко предлагает различать собственно «субкультуры», которые в нашем понимании более подпадают под рубрику «культура для молодых» и «неформальные движения». «На мой взгляд, особенности этой групповой идентичности определяются более сложным характером взаимоотношения различных стилиевых составляющих. Именно неформальное движение, с присущей ему множественностью типов солидарностей вокруг принимаемых ядром группы ценностей (выделено нами, т.к. здесь важнейший методологический постулат критикуемой нами теоретико-методологической установки – О.Р., В.Р.), можно считать действительно «домашним», незаимствованным вариантом самостоятельного творчества молодежи. И что особенно важно для формирования групповой идентичности (хотя неформалы неоднородны) – это то, что им есть, кому противостоять. Антиподом, столь нужным для формирования контекста понятия «свои», врагом неформалов являются *гонимки*⁵. Когда-то «неформалами» в конце 80-х годов молодежные субкультуры обозвали партийно-комсомольские функционеры (нынешние чиновники им также охотно пользуются), а, по исследованиям Е.Л. Омельченко, современные молодежные группы приняли его в качестве самоназвания.

Наши наблюдения показывают, что это самоназвание характерно именно провинциальным городским субкультурам (города типа Ульяновск и Белгород, с сильным влиянием традиционных норм и административных структур), так как здесь очень мала «воспитательная дистанция» между традиционными институтами социализации (семья и школа) и модернистскими (власть и СМИ), которые и воспринимают «молодежные отклонения» в качестве «неформальных» и «ненормальных». Молодой человек иронично воспринимает внешний ярлык в качестве самоназвания, хотя внутри самих «групп мозаичных солидарностей» мы не нашли адекватной самомаркировки собственной идентичности (групповой и индивидуальной). Для столичных субкультурных групп остается актуальным олдвое наследие и самомаркировка хипповой Системы⁶. Вряд ли стоит рассматривать «неформалов» в качестве не только самоназвания, но и определенной специфической формы молодежной культуры и «групповой солидарности».

³ Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // <http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html>.

⁴ Омельченко Е.Л. Про эмо, готов и нравственность // <http://www.polit.ru/author/2009/01/23/subkult.html>.

⁵ Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // <http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html>.

⁶ Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М., 2004. – С. 35-43.

Весьма сомнительным является термин «групповая(ые) солидарность(ти)», который имеет слабую категоризацию. Само слово «солидарности» невольно ассоциируется не столько с диссидентской протестной «Солидарностью» Польши начала 80-х годов, сколько с фашистским принципом «солидаризма», на которой и создавался и гитлерюгенд, и СС, изначально молодежное формирование, которые в Германии 20-х и начала 30-х годов были более чем «неформальными» субкультурами и олицетворяли «новую революцию». Е.Л. Омельченко нам может возразить, что молодые эсэсовцы являлись историческим аналогом наших гопников, вербовались в среде люмпенов и лавочников (мелких предпринимателей)* и скорее могут сравниваться со скинхедами или скинхедствующими гопниками и спортивными фанатами. Аналогия действительно интересная и наводящая на размышления вполне метафизические. Но стоит помнить, что молодежное движение СС получило распространение и в студенческой среде, пользовалось пониманием вполне высокопоставленных университетских профессоров⁷. Стоит отметить и близость употребляемого термина «групповые солидарности» к понятию «свободно тотализирующиеся группы», более категориально определенному, которое Ж.-П. Сартр применил в работе «Критика диалектического разума» (1960).

Под «свободно тотализирующейся группой» Сартр понимал формообразованную групповую целостность жизненного пространства субъектов «подлинного существования», солидарных в неприятии наличного бытия с его прагматизмом и целесообразностью и принимающих свободу и творчество в качестве основных измерений «подлинной экзистенции». Понятно, что в 1968 г. Сартр попытался применить свою методологию не только к познанию, но и к изменению мира, вполне в леворадикальном духе поддержав студенческое движение. Но Сартр противопоставляет «свободно тотализирующейся группе» «коллективы», «функционирующие группы», включенные в более или менее стабильные социальные структуры и порядки. Чем не гопники всех времен и народов?

Не выдерживает критики и дуальная оппозиция «гопники – неформалы», которую зафиксировали в молодежной среде социологи из Ульяновска, не только по линии понятийно-методологической, но и реально-культурной. «Противостояние неформалов – гопникам, – пишет Е.Л. Омельченко, – территориально культурные и ценностные границы, которые охраняются ими для дистанцирования друг от друга составляют, на мой взгляд, основное стилевое напряжение молодежных культурных сцен России»⁸. Наши исследования* также показали, что действительно, данная дуальная оппозиция присутствует в поверхностных структурах самосознания этих весьма условных «солидарностей» молодежи, но в реальной социальной и культурной практике все гораздо сложнее (или местами проще). Во-первых, подобное рассмотрение «гопников» в качестве «нормальных» групп молодежи отсекает действительно «нормальные группы» молодежи от непредвзятого исследования. Во-вторых, «неформальная» молодежь вполне перемешана с «мозаичными субкультурами», ориентированными на досуг и масскультовское потребительство. Нельзя рассматривать экспериментальные телесные и стилевые практики и ценности неформалов в качестве действительно инновационных форм деятельности и некоей аксиологической альтернативы нового мира постмодерна и постиндустриализма.

В молодежной субкультурной среде, выпадающей из школьной «воспитательной нормативности», встречаются молодые люди одаренные, творческие, много читающие, знакомые с музыкой, владеющие современными информационными технологиями (та-

* В ее работах фактически так определяется принадлежность российских гопников к определенным социальным стратам – как детей «мелких предпринимателей» и «торговцев».

⁷ См.: Федь Ф. Хайдеггер: Анатомия скандала. – СПб., 2008.

⁸ Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // <http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html>.

* Мы не только применяли методы качественного исследования (интервью, наблюдение, работа в фокус группах), но и оказались вовлечены в различные экзистенциальные ситуации школьников и студентов, принадлежавших к различным субкультурам, давали экспертные заключения по экстремистским группировкам.

ковых мы наблюдали и среди скинхедов и нацболов). Но они составляют меньшинство в своих, как они искренне считают, «альтернативных группах», а по отношению к ним даже близкое окружение, на словах и внешне вполне «продвинутое» – «гопота», если под этим понимать низкий уровень интеллектуальной и творческой активности. Но и культурный уровень «творческих неформалов» оказывается зачастую поверхностным – здесь мы встретили полное незнание и неприятие литературной и музыкальной классики. Но это роднит их и с «гопниками», и с «яппи», и с «золотой молодежью» (мы считаем уместным употребление этого понятия 70-х годов по отношению к детям высших чиновников и предпринимательской верхушки и рассматривать их также в качестве субкультур), а также с соответствующими слоями «взрослых». Если провести вполне «количественное» социологическое исследование современных «взрослых», носителей власти и производителей благ, то мы увидим потрясающее невежество даже по сравнению с 80-ми годами прошлого столетия. А это признаки «социально-психологической шизоидности», когда «новое» создается на пустом месте, в «пустоте» и «провале» истории бытия (сравни с названиями повести В. Пелевина и повести конца советской эпохи одного из авторов этой статьи).

На наш взгляд, *основной проблемой*, от которой уходят многие современные исследователи, является тот факт, что если в советское время «гопники» могли претендовать только на образовательно-социальные ниши в ПТУ и вписывались в нормальное воспроизводство «рабочего класса», то сейчас с фактическим вводом из-за демографической ямы «всеобщего высшего образования»*, они оказываются на студенческой скамье рядом с действительно «нормативной молодежью» из интеллигентных семей, «неформалами» и «субкультурщиками» (особенно эта внешняя, стилистическая пестрота бросается в глаза на первых курсах). Частично «гопническим» менталитетом обладают студенты юридических (!), очень сильно – экономических специальностей, и почти поголовно – направлений подготовки, ориентированных на сферу услуг и сервис. Вот здесь необходимо проводить количественные социологические исследования, не ограничиваясь только «наблюдением» и «интервью». Ведь такое сосуществование, как показывает наш преподавательский и кураторский опыт, создает напряжение в студенческой среде, понижает уровень и качество знаний, получаемых и принимаемых студентами, мешает воспроизводству преподавательских кадров (волью или неволью происходит деградация преподавателей, особенно молодых).

Это не говорит о том, что необходимо вводить дискриминацию по ментальному и субкультурному признаку. Просто это надо учитывать, как и низкий образовательный и общекультурный уровень всей молодежи, с которым она приходит из семей и школы. И одними дополнительными (в том числе и общекультурными) занятиями, просветительскими акциями, спецкурсами*, вовлечением молодежи в творческие самодеятельные объединения, клубы и т.д., чем может гордиться наш НИУ БелГУ, не решить до конца острую проблему общего низкого образовательного и культурного уровня нашей молодежи.

Мы согласны с Е.Л. Омельченко, что иницилируемые на разных уровнях законопроекты, подзаконные акты и «воспитательные» программы*, в которых преобладает за-

* На внебюджетной основе по цене вполне доступной после кризиса почти всем социальным группам могут фактически все, не поступают в вузы только откровенно ленивые и люмпенизированные индивиды.

* Введение курса по выбору «Молодежные субкультуры» столь же мало даст «гопникам» и самим «субкультурщикам», как и после введения в школе дисциплины «Основы православной культуры», а в вузах нашего региона соответствующих курсов по выбору, верующая молодежь продолжает оставаться в меньшинстве, на положении православной молодежной субкультуры даже на социально-теологическом факультете (вот кто требует внимательного, неангажированного научного исследования и воспитательных усилий, моральной поддержки – они затерялись на фоне эмо, готов, панков, брейкеров, скейтбордистов, проправительственных молодежных движений и партийных югенд-структур).

* Наш регион и в этом «впереди планеты всей»: акции по запрету тяжелого рока на дискотеках, превратившаяся в воздух борьба со сквернословием и попытки ввести «комендантский час» – здесь каждый может вспомнить собственный семейный и повседневный опыт. И надо помнить, что говорил К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе»: воспитатель должен быть сам воспитан...

прет и недоверие ко всему новому в молодежной среде, должны встретить сопротивление не только молодежи, но и всей интеллектуальной и художественной элиты страны.

В школьной и студенческой среде мы можем наблюдать формирование действительно «неформальной», *инновационной субкультуры* молодых людей, которые обладают тягой эксперименту, творчеству, ярко выраженной индивидуацией, жизненно-стилевыми стратегиями с преобладанием *будущего как темпоральной доминанты**. К ним требуется особый подход, наше простое внимание, понимание и поддержка, чего всегда так не хватает молодежи. Инновационная молодежная субкультура, как и другие, выпадающие из поля зрения социологов, формы юношеской свободной консолидации, необходимо исследовать в более глубоком культурно-онтологическом и теоретико-методологическом контекстах, нежели социологические или культурно-антропологические исследования (они дают прекрасный материал, который требует более глубокой интерпретации).

Для такого, как мы отметили выше, *мультидисциплинарного подхода* характерно понимание культуры (соответственно, и субкультуры) как системного феномена, взаимодействующего с другими социокультурными системами (общество, государство, народ, семья и т.д.), и как *специфической деятельности человека* (сама деятельность трактуется в широком диапазоне научных веяний – от биологической онтологии до культурсемиотических моделей). При таком «синтетическом» подходе культура предстает в качестве определенной целостной и органической системы (или системы культур, как понимают западные исследователи), открытой и саморазвивающейся в пространстве и времени жизнедеятельности человечества, конкретных сообществ и живых людей.

В этом плане субкультуры оказываются не только структурными формообразованиями на окраинах или на поверхности «больших культур», имеющими внешние стилевые и знаково-символические маркеры, скрывающие «аксиологическое ядро солидарностей», но и творческими способами деятельности по экспериментальному производству инновационных образцов жизнедеятельности и ценностных норм поведения, проходящих проверку в социокультурной динамике современного мира. И это понятие применимо не только по отношению к молодежным субкультурам, но и к другим формам структурирования нашей культурной действительности.

Необходимо провести типологизацию и классификацию субкультур *по формам и способам деятельности* их субъектов, индивидуальных и групповых. Поэтому можно дать только предварительную (конфигуративную) *типологическую классификацию субкультур*, под которыми мы понимаем не только молодежные контркультуры и другие субкультуры в культурном пространстве посттоталитарной России, которые существенно трансформировались по сравнению с 70-80-ми гг. XX века, субкультуры повседневности и массовой культуры, но и большой спектр политических, религиозных, художественных и т.п. субкультур, возникновение которых вызвано как созданием путинской «вертикали власти», так и реакцией на «оранжевые революции» на посттоталитарном пространстве Восточной Европы и бывшего СССР. Молодежная культура и субкультуры, на наш взгляд, представляют сложноорганизованную, динамичную систему формообразований и процессов, связанных с трансформацией индустриальной (модернистской) цивилизации XVIII-XX вв. в ее постиндустриальные и постмодернистские ипостаси прошлого столетия.

Разумеется, субкультуры (особенно молодежные и контркультурные) наиболее зримо манифестируют себя в определенных практиках и стилях поведения, в знаково-символической «телесности», скрывающих ценностные смыслы бытия, активно влияют на всю культурно-цивилизационную динамику и культурно-антропологические процессы. Современный человек испытывает на себе влияние двух основных тенденций: *повсе-*

* Это необязательно маркирующие свою идентичность субкультурной символикой молодые люди. Таковы могут быть вполне нормативные школьники и студенты, свободные по внутренним установкам и творческим инициативам: таких много и в классах, и студенческих аудиториях. Именно с ними доставляет наибольшее удовольствие заниматься и вне аудиторий. Они проявляют в последнее время инициативу по созданию интеллектуальных и творческих клубов, напоминая своих сверстников конца 80-х годов.

дневной жизни, которая формирует знаково-семиотический мир, стили поведения, с одной стороны, и *социальной жизни*, которая, фиксируя символы и стратегии жизни, придает им социальную окраску, с другой. Любые субкультурные феномены, а тем более молодежные субкультуры, обладают специфическим семиотическим пространством и отличаются от официальной или массовой культуры и множества других, подобных культурных форм, знаниями, целями, ценностями, суждениями и оценками, нравами и вкусами, что определяет специфику их семиотического разнообразия.

Деятельностная, дискурсно-концептная и знаково-символическая формы культуры отражают и одновременно формируют культурно-историческую реальность, а это позволяет нам высказать предположение, что в определенной мере субкультуры как способы социокультурной стратификации в мире постмодерна (постиндустриализма) и соответствующие им дискурсивно-концептные, знаково-символические формы находят воплощение в специфических *субкультурных кодах*. Культурный код является структурой ненаследственной поведенческой информации, которую накапливают, хранят и передают новым поколениям людей. «Знаково-символические и стилевые стратегии» отражают механизмы действия субкультурных кодов и способы бытия индивидов, включенных в субкультурные образования в современной культуре. В различных субкультурах, как подсистемах «большой» культуры, происходит дифференциация знаково-символических и стилевых стратегий поведения человека, соответствующих его субкультурной жизнедеятельности. Переход от индустриального общества к постиндустриальной глобализации ведет как к *регенерации или реконструкции отдельных форм традиционных кодов* в контекстах субкультур, так и к *созданию нетрадиционных, постмодернистских кодов*. Это вполне соответствует плюрализму субкультур и их эклектике в эпоху глобализации и постмодерна.

Среди субкультур семиотические границы открыты и размыты для преемственности символов от других субкультурных форм, поэтому правило семантического дифференциала на них не распространяется. Символы, переходя из одной социокультурной среды в другую, практически не изменяются, сохраняя при этом свою интерпретацию. Это предполагает использование мультидисциплинарной методологии, работающей на материале как «больших» общностей (в том числе, и «взрослых», продуцирующих свои субкультурные мифы и семиотические системы), так и малых, неформальных групп.

Мультидисциплинарная модель культуры и субкультур предполагает сопряжение различных эпистемологических стратегий (философских и социально-гуманитарных) на метафизическом и онтологическом уровне, что должно порождать *эффект трансметодологии*, которая не только выступает исходным и важнейшим инструментом познания культуры как особого класса явлений и соответствующих субкультур или культурных подсистем, задает горизонт прогнозирования изменений положения конкретного, живого человека в реальной социокультурной динамике, но способствует созданию реальных воспитательных проектов* по выработке и корректировке жизненных стратегий молодых людей, выходцев из различных «взрослых» социальных групп.

Мы попытались в нашей работе наметить пути преодоления крайностей методологий в исследовании современных субкультур. Поэтому мы считаем, во-первых, что понятие «субкультура» не утратило своего эпистемологического потенциала и вполне вмещает в себя все многообразие системных формообразований как в исторической эволюции культурно-цивилизационных систем, так и в современной культуре – базовых, креативных, маргинальных, атавистических, деструктивных, антисистемных (контркультурных) и т.д. Это важно, в частности, также и для понимания специфики субкультур, творцом которых на протяжении истории и вплоть до наших дней оказывалась молодежь не просто как демографическая, но и онтологическая форма воспроизводства человека, способная продуцировать как основополагающие, доминантные онтологические смыслы бытия человека, так и разрушительные, контркультурные, хотя также порой способные, в

* Мы несколько не впадаем в просветительские иллюзии, но никогда человечество не уйдет от того, чтобы «старшие поколения» не предпринимали попыток влиять на жизненные миры молодежи.

конечном итоге, оказывать *инновационное воздействие* на динамику той или иной формы культурного бытия.

Исследование субкультур в философско-антропологическом и философско-культурологическом методологическом поле (культурантропология – один из моментов в данной методологии), органично выводит на онтологическую проблематику, связанную с тем, что молодой человек в условиях постмодернистского распада устойчивых социальных и культурных стратификаций оказался не только в ситуации тотального отчуждения (и в этом оказались правы и Маркс, и неомарксисты, и постмарксисты), но и полной утраты идентичности, глубинных онтологических оснований собственной жизнедеятельности (утрата телесности, семьи, веры, любви, надежды). Но реальный молодой человек, разумеется, продолжает жить в пространстве повседневности, существовать, сопротивляясь *мягким дисциплинарным технологиям* постиндустриального общества, которые через медийные нарративы и транскоммунитивные дискурсы (Интернет) порождают столь невиданную ранее манипуляцию не только сознанием, но и всей жизнедеятельностью человека.

Личностные, деятельностные и институциональные формы молодежной культуры в прошлом и настоящем определяли и определяют становление, социализацию и идентификацию молодежи как специфической социальной группы, а молодого человека как субъекта деятельности и *творца инновационных культурных норм и образцов*.

Субкультуры и оказываются тем «экзистенциальным пространством», в котором молодой человек пытается хоть как-то сохранить свою самость, свою идентичность, выработать какой-то *хронотопный экзистенциал*, позволяющий стоически утверждать себя в рухнувшем мире, связывать прошлое, настоящее и будущее не столько в пространстве повседневности, сколько в карнавальном мире субкультур. Но и здесь мы оказываемся в мире фантомов и иллюзий: субкультурные нарративы и дискурсивные практики позволяют говорить молодому человеку на искусственных языках, порождая ситуацию постмодернистской «вавилонской башни», когда никто никого не слышит и не желает слышать, а субкультурных языков оказывается столь много, что никакой апостол Павел не смог бы говорить на языках «новых язычников»...

В этой ситуации трансформируются как сами молодежные субкультуры, существуя уже не по жестким моделям групповой идентификации «мы – они», а по модели «та-сующихся групп» (Б.Ф. Поршневым), а личностная идентичность носит «виртуальный» и игровой характер, причудливо реализуясь в моделях поведения и стилях одежды, музыке, символике и мифологии субкультур.

Разумеется, региональные молодежные субкультуры носят не столь репрезентативный характер, как столичные или субкультуры больших индустриальных центров, но в таком городе, как Белгород, наблюдается и своя специфика, связанная с тем, что наш город за последнее десятилетие утратил черты классического индустриального города, фактически превратился в постиндустриальный организм нового типа (так, университеты становятся, по сути, «градообразующими предприятиями», что повышает роль молодежи в жизни региона).

Список литературы

1. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.
2. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.
3. Омельченко Е.Л. Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или Как гопники вытесняют неформалов // <http://polit.ru/culture/2006/05/23/gopniki.html>.
4. Омельченко Е.Л. Смерть молодежной культуры и рождение стиля молодежный. // Отечественные записки, сентябрь 2006; Омельченко Е.Л. Поколение Text: Новые имена молодежной культуры // Рекламные Идеи. № 2, 2008; и др.

5. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // <http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html>.

6. Омельченко Е.Л. Про эмо, готов и нравственность // <http://www.polit.ru/author/2009/01/23/subkult.html>.

7. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М., 2004.

8. Федье Ф. Хайдеггер: Анатомия скандала. – СПб., 2008.

METHODOLOGY OF SUBCULTURES STUDIES IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES. PAPER 4. CONFIGURATIONS OF YOUTH SUBCULTURES IN RUSSIAN REGIONAL FIELD

O. N. RIMSKAYA

V. P. RIMSKIY¹⁾

¹⁾ Belgorod State University

*e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru*

The article discusses the methodology of study of modern youth subcultures and subcultural religions. The methodology helps not just describe the general configurations of subcultures in Russia and its regions but also reveal ontological meanings of youngsters lives in the time and space of transformed consciousness and alienated communicational systems.

Key words: interdisciplinary methodology, subculture, configurative typology, ontological basis, existential chronotopos, innovative life strategies, youth mythical consciousness, subcultural religion.